

Вальтер Марков

Дореволюционный период Жака Ру

Перевод *В. М. Розанова*

Французский ежегодник 1963

М.: Наука. 1964. С.22-40

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Вожди плебеев, поднявшиеся во время Французской революции из армии безымянных, не имеют биографий. Известны лишь более или менее случайные факты из их жизни до революции. Результаты поисков в этом направлении и ценность находок очень редко соответствуют затраченным усилиям и потому неудивительно, что порой даже прогрессивные историки, для которых Жак Ру кое-что значил, отступали перед объективными трудностями.

Матьез первым предпринял попытку проследить начало жизненного пути Жака Ру. Краткий итог своих поисков он опубликовал в работе «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора»¹. М. Домманже дополнил этот материал в исследовании «Жак Ру и манифест бешеных»². К сожалению, он не продолжил розысков, начатых Матьезом, и поэтому жизнь Жака Ру в Шаранте оказалась скрытой от взоров даже такого видного исследователя, как Я. М. Захер. Правда, Захер не обошел молчанием это печальное обстоятельство, как поступили, например, Роуз (Rose) и Славин³, а попытался воссоздать предысторию вождя «бешеных» по имеющимся автобиографическим данным (частью они почерпнуты из письма Жака Ру к Марату, а частично из «Publiciste de la République Française»). Следует отдать должное проницательности автора, ибо его предположения оказались в основном правильными. И все же выводы, сделанные на основании догадок, не могут заменить доказательства, основанных на документах, а тем более заполнить имеющиеся пробелы.

К счастью, Жак Ру более века стоял поперек горла своим собратьям по сословию и их единомышленникам. И худо или хорошо им это удавалось, но они предпринимали некоторые попытки очернить его⁴, а позже стали

¹ O. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927, (русск пер. М., 1928).

² M. Dommanget. Jacques Roux et le manifeste des «enragés». Paris, 1948.

³ К сожалению, единственные три диссертации, посвященные специально «бешеным», постигла та же печальная участь: они не были опубликованы полностью; это диссертации Р. Б. Роуза (Англия), М. Славина (США) (их рукописи у меня имеются), а также кандидатская работа С. Л. Сытина (Ленинград). Большую любезность мне оказал покойный Я. М. Захер, который предоставил возможность ознакомиться со второй, дополненной, редакцией своей работы о «бешеных» (Я. М. Захер. Движение «бешеных». М., 1961). Однако в этих трудах нет ничего нового о дореволюционном периоде Жака Ру.

⁴ Первый же из местных биографов открыто признается в этом совершенно в стиле враждебных Жаку Ру современников. См.: С. Gigon. Les victimes de la ter-

изображать его заблудшим социальным католиком-реформатором. Основательности, с какой они это делали, мы и обязаны некоторыми сведениями, которые дают нам возможность обратиться непосредственно к местным архивам.

* * *

Как известно, Марат в своей газете от 4 июля 1793 г. высказал сомнения относительно личности Жака Ру и заподозрил, что на самом деле он является аббатом Ренди и только присвоил себе имя патриотически настроенного священника из Исси⁵. В своем протесте Ру парировал этот удар выпиской из метрического свидетельства, согласно которому он родился 21 августа 1752 г. в Пранзаке (Ангумау); родители его были — лейтенант Грасьен Ру и его супруга Маргарита, урожденная Монсалар.

Однако Захер справедливо указывает на то, что выписка из метрического свидетельства, представленная Ру своей секции Гравилье, является лишь дубликатом, затребованным им только в 1793 г., и потому не может считаться вполне достоверной. Однако вся эта проблема разрешается очень легко, так как записи о крещении сохранились⁶ и подтверждают все данные обвиняемого.

Неожиданное препятствие подстерегает нас с другой стороны: Жак Ру родился, так сказать, несколько раз, подставив тем самым ножку исследователям. Должно быть у господина Грасьена были свои причуды, во всяком случае из тринадцати своих детей он четырех нарек Жаком и столько же Марией, причем старшие могли фигурировать в качестве крестных по отношению к младшим⁷. По всей вероятности, наш Жак в качестве первенца этой цепочки был наречен в честь «деда Жака Туретта»⁸.

leur du Département de la Charente. 1ère série. Angoulême, 1866, p. 309. «...Я стремился очистить свою область от этой моральной гнусности». Больше в период Реставрации перенес в «неприкосновенном» виде этот стиль в биографию Жака Ру («Biographie Universelle», t. 39. Paris, 1825). Попытки противоположного характера — представить Жака Ру в виде некоего социального католика-реформатора можно обнаружить уже у Бюше и эльзасца Брэнша. Особенно это бросается в глаза в книге Даниеля Ропса; этот специалист-теолог в своем новом труде пишет, явно намекая на современное движение французских священников-рабочих: «...социальные католики могут вспомнить.. даже апостола-проповедника Жака Ру, вождя «бешеных»... поборника христианского коллективизма» (Daniel Rops. L'église des révolutions. En face de nouveaux destins. Paris, 1960, p. 645).

⁵ Матгез упоминает, что он не обнаружил этого кюре из Исси, да и сам Марат лишь намекает на это, прибегая к выражению «говорят» (on dit). По-видимому, оба считали, что речь шла об Исси под Наррижем, где никого подобного не было. Дерю (Desrues), о котором Ж. Ру упоминает в своем памфлете пролив Эпелете (Archives Nationales, W 20, pl. 1073), не был кюре и не подвергался никаким преследованиям. Да это не подходит и по времени. Мы полагаем, что нам удалось обнаружить «двойника» Жака Ру в кюре из Исси-л'Эвек (департамент Верхняя Сона), который в 1789 г. «взял власть в свои руки, пересмотрел приговоры и созвал мэров, чтобы приступить к равному разделу земель», и который, когда крестьяне поддержали его, был арестован по приказу Учредительного собрания.

⁶ Приходские книги Пранзака находятся в Ангумеде в Archives départementales de la Charente, 3 E 292—1. Однако, по неизвестным нам причинам, документация за 1751 и 1752 гг. находится в мэрии Пранзака, где нам и удалось ее разыскать.

⁷ Эти данные опубликованы аббатом Леграном (Abbé Legrand. L'église et le chapitre collégial de Pranzac en Angoumois. «Bulletin et Mémoires de la Société archéologique et historique de la Charente», années 1890—1891, 6e série, v. I. Angoulême, 1892). Проверено по: Arch. dép. Charente, 3 E 292 — 1. Жак родился 21 августа 1752 г., Жак Мадлен — 8 ноября 1756 г. (крестник Жака первого, возможно, также был пострижен, позднее женился), Жак — 15 июня 1759 г., крестник Жака первого, Жак — 12 августа 1765 г. (умер в 1766 г.). Дочери: Мария родилась 8 октября 1753 г.; Мария — 19 декабря 1754 г., Мария — 22 ноября 1757 г., Мария — 7 ноября 1766 г.

⁸ Из записей в регистрационных книгах о крещении не видно, что Жак Туретт был дедом своего крестника; скорее его называют «дедом», чтобы отличить от его тезки, названного в его честь и также упоминаемого в этой книге. Кроме того, трудно было бы объяснить, почему дед носит какую-то другую фамилию, а не Ру или Монсалар. Кстати, преемник кюре Маркэ также носил имя Туретт. Пранзацкие Туретты, по данным мэрии, все недавно вымерли.

Семья занимала известное положение⁹ и имела сносный достаток¹⁰. У нее была своя земля и она находилась в превосходных отношениях с сеньером. Имеются сведения о том, что уже с 1713 г. некий Ру занимал хорошую должность в Пранзаке. Грасьен¹¹ получил звание судебного заседателя (*judge assesseur*), в качестве которого он осуществлял феодальные права своего маркиза, проводившего время то в своем замке в Солиньяке вблизи Лиможа, то в Версале или Париже, а в промежутках где-либо еще; после смерти Грасьена (1787) мы встречаем его зятя Пьера Эйрио (*Eugé-aid*) уже в должности управляющего замком в Пранзаке.

Мать Жака происходила из почтенного семейства из Бюсьера (Бюсьер-Бадиль) в соседнем Перигоре. Наследников Монсаларов¹² (врачей, юристов, чиновников и т. д.) можно встретить и по настоящее время. Когда в 1786 г. мать Жака, Маргарита, умерла, ее похоронили с большой торжественностью как «первую даму городка»¹³.

Несколько братьев и сестер Ру умерли в младенчестве. Однако в живых осталось еще достаточно, и родители, выходяцы из среднего сословия, с трудом могли обеспечить им сносное содержание. По собственному опыту Грасьен Ру хорошо знал, что для офицерской карьеры в мирное время, да еще при дворянской реакции, какая господствовала во второй половине XVIII в., протекции ожидать было нечего. Поэтому, согласно обычаю, двое из его сыновей, Жак и Луи, избрали духовное поприще. Необычным в этом было только то, что подобный жребий пал на старшего — наследника, продолжателя рода.

Ничуть не задумываясь о доказательствах и плохо зная биографию Ру, аббат Лерран преспокойно уверяет нас, будто Жака влекло к духовной карьере¹⁴. Действительно, такие причудливые желания можно было порой обнаружить среди молодежи, особенно у подростков, выросших в католическом окружении. Однако Грасьен руководствовался куда более светски-

⁹ По-видимому, Пранзак, как и другие города этой области, переживал свой расцвет в период расчистки лесов в XII—XIII вв. К этому времени относится и возникновение наиболее древней части собора Сен-Сибара. После революции замок был заброшен, но и до этого он находился в плохом состоянии и господ в нем не жили. В истории Пранзак ничем не прославился. Зажатый между более мощными феодальными владениями, он не получил должного развития. К несчастью для исследователей, его наказы Генеральным штатам по небрежности были затеряны в XIX в. (*P. Boissonade. Cahiers de deliances de la sénéchaussée d'Angoulême et du siège royal de Cognac pour les États généraux de 1789. Paris, 1907, p. 345*), да и кадастры его имеются лишь с 1830 г.

¹⁰ Жигон называет семейство «почтенным» (*honorable*), другие — «буржуазным» (*bourgeoise*). В 1713 г. Клод Ру — господин (*sieur*) Ажуньера, советник в дорожном управлении (*Grandes Voieries*) (по Леррану), судья в Пранзаке. Грасьен Ру, по-видимому, купил далеко не дешево патент лейтенанта во время войн за австрийское наследство. Дочери Жанна, Мария (А) и Мария (В) получили приданое; и умерший в 1791 г. Жак тоже оставил после себя кое-какую собственность. Жак Ру также упоминает о своей вотчине (*patrimoine*) (*Arch. Nat., W 20, pl. 1073, Placard contre Epellet*).

¹¹ В биографии Грасьена (или Гасьена) Ру много неясного. Он родился не в Пранзаке, дата его рождения не установлена, так же как и дата его ухода в отставку (после заключения Аахенского мира). Женится он 19 августа 1749 г.; первый ребенок — Жанна — родился 4 июля 1750. в Бюсьере и лишь второй — Франсуа — 20 августа 1751 г. уже в Пранзаке; но так как вскоре, 4 марта 1752 г., Франсуа умер, старшим в роде стал Жак.

¹² В церковных книгах Пранзака (*Arch. dép. Charente, 3 E 292—1*) можно проследить, как постепенно перед именем Монсаларов (которые были настоящими буржуа) появляется частица «де». Эта слабость причислять себя к знати была широко распространена в то время. Жак Ру, охотно подписывавшийся в юности «каноник», получив возможность напечатать свое произведение, также величает себя «Ру де Пранзак».

¹³ Она была погребена 14 ноября 1786 г.; на ее похоронах присутствовали священники Пранзака, Бензака (*Bunzac*), Сен-Поля (де Мартоп) и Ранконь (*Arch. dép. Charente, 3 E 291—1*).

¹⁴ «Хотя юный Жак и был старшим сыном, он чувствовал склонность к служению богу» (*Abbé Legrand. Op. cit., p. 144 sqq.*).

ми соображениями, когда в 1767 г. заставил своего сына принять постриг: в это время освободилось место каноника, назначение на которое зависело от графа де Кар; и когда последний предложил Грасьену воспользоваться его милостью, тот, решив не упускать случая, взял место для того из своих сыновей, который подходил по возрасту, ничуть не заботясь, имелась у последнего склонность к духовной карьере или нет¹⁵.

И это отнюдь нельзя считать каким-либо несчастливым стечением обстоятельств. В XVII в. графы Прюс де Кар, первые бароны в Лимузене, женитьбой на наследнице Марии де Редон присоединили к своим многочисленным сеньориям маркизат Пранзак и при этом взяли на себя обязательство предоставлять четыре бенефиция, учрежденных в капитуле одним из ее предков, мучимым раскаянием в грехах¹⁶. Два из этих бенефициев раздавала церковь, два других — светские учредители. Некоторое время последние не проявляли к этому никакого интереса, передоверив свой полномочия Риму. Но затем граф Франсуа Мари в ходе борьбы между партией иезуитов и галликанско-янгсенистской партией, на сторону которой он встал, самым решительным образом заявил о своих правах. Его сын Луи Франсуа Мари, один из богатейших вельмож Франции, архиреакционный противник Тюрго, блиставшего в то время в роли королевского интенданта в Лиможе, остался верен семейным традициям и как патрон капитула¹⁷, результатом чего явилось хотя бы то, что Жак Ру был послан в духовную семинарию в Ангулем и получал содержание, на которое жил еще в 1793 г. в Париже¹⁸.

Нам неизвестно, имели ли для Жака Ру значение какие-нибудь происшествия его детства или воспоминания о них. Он никогда не говорил о Пранзаке. И все же мы осмеливаемся предположить, что псевдоним «Реноди», принятый им в 1790 г., был навеян названием имения «Ла Реноди», также присоединенного де Карами в результате брака. Быть может, Жака на это имя натолкнули воспоминания о старинной разбойничьей истории, повествующей о кровопролитном дворянском заговоре, которая в юности, несомненно, волновала его воображение. Впоследствии один из его духовных пастырей с тонким поповским коварством дает понять не много не мало как самому папе, что Жак Ру — выходец из страны Равальяка (убийцы Генриха IV, родом из расположенного поблизости Тувра)¹⁹.

¹⁵ Abbe Legrand. Op. cit. Pièces justificatives, p. 160. Письмо Грасьена Ру от 5 декабря 1777 г. своему племяннику: «...назначение содержания (stipendie) моему старшему сыну в 1767 году»; и далее: «После ухода в отставку господина аббата Рюлье преемником его стал аббат Ру, которому господин граф де Кар назначил то же содержание (stipendie) и который пользовался им, как и его предшественники».

¹⁶ Abbé S. Nanglard. Pouillé historique du diocèse d'Angoulême, v. I. Angoulême, 1897, p. 319. Le chapitre de Sh. Cybard de Pranzac.

¹⁷ Мать их, дочь герцога фон Бервика и фрейлина королевы Марии (Лещинской), а также ее брат Фиц Джеймс, епископ суассонский, были опорой враждебно настроенного к иезуитам дворянства. Поэтому сыновей их воспитывали янгсенисты и ораторианцы (Mémoires du duc des Cars, édit. par H. de l'Épinois, v. 2. Paris, 1890).

¹⁸ В 1791 г. Ж. Ру, по данным Нанглара (S. Nanglard. Op. cit., v. I, p. 319), еще состоял на службе. 4 ноября 1792 г. власти департамента назначили Жаку Ру, по его ходатайству, 350 ливров (вероятно, по этому вопросу и велась переписка с Ангулемом, на которую он ссылался на допросе) (Arch. Nat., W 20, pl. 1073), сумму, достигавшую размера квартирной платы, которую он выплачивал из своего содержания (stipendie) (Abbé Blanchet. Le clergé charentais pendant la Révolution. Angoulême, 1898).

¹⁹ A. Taillet. Mémoire concernant l'état de la religion dans la diocèse de Saintes durant la Révolution et le schisme de France, à commencer depuis l'année 1789 jusqu'à la fin de 1796. Publié par L. Audiat. «Archives Historiques de la Saintonge et de l'Aunis», v. XXXI. Paris — Saintes, 1902, p. 334. «Этот человек вовсе не родился в Сентонже, он родом из края Равальяка». Огюстен Алексис Тайе (1744—1828), выходец из судейского сословия, был в студенческие годы товарищем Пьера Луи де Ларошфуко по Наваррскому коллежу; последний, став в 1781 г. епископом, назначил это генеральным викарием Сента. Он принимал участие в Генеральной ассамблее духовенства в 1786 г. и в составлении наказов духовенства в Сентонже. После отъез-

Впрочем, Пию VI вряд ли было известно, что соседи из более мирного Сентонжа не без основания весьма склонны были считать жителей Ангумуа не только вспыльчивыми и строптивыми упрямыми, но к тому же и отирысками тех сарацинов, которые, скрываясь в делях браконьерских лесов Ла-Браконна, пережили на столетия сражение под Пуатье в 732 г. и положили начало таким фамилиям, как Саразен, Соважо, а может быть и Ру.

* * *

Ангулем расположен всего в трех часах ходьбы от Пранзака, и Жак Ру не терял связи со своим родным городом. Он неоднократно навещал его и после того, как в 1776 г. принял сан священника. По-видимому, его начальство было удовлетворено тем, как он закончил учение, так как он был направлен в 1778 г. в епископскую семинарию для преподавания философии и физики; одновременно он исправлял должность капеллана в городском коллеже Сен-Луи²⁰. Чтобы несколько облегчить положение своего шефа, Ж. Ж. Колло, который был и главой семинарии и кюре городского прихода Сен-Марсиаль, Ру исполнял в последнем обязанности викария²¹.

В том же году следующим бенефициантом графов де Кар стал брат Жака Луи. Правда, ввиду молодости он лишь в 1780 г. получил низший духовный сан. К тому же времени признаки кризиса католической церкви стали явными, и епископ де Брольи²² тщетно пытался, так сказать, «домашними средствами» справиться с обрушившимися на него невзгодами. В то время как ложи масонов быстро разрастались, число постригов в монахи и желающих посвятить себя духовной карьере резко падало. «Вымиравшие» монастыри приходилось закрывать, а доходы их перечислялись на «оздоровление» епархий, не справлявшихся с бесконечными финансовыми затруднениями. Запрет ордена иезуитов (1762) внес беспорядок в систему находившегося под его контролем высшего образования, а призванные Брольи к руководству семинарией вместо иезуитов лазаристы проявили полную неспособность поставить дело. Неудержимый процесс разложения, затронувший местный центр образования, на который когда-то возлагались столь большие надежды, обозлил граждан Ангулема, и без

да епископа на заседания Генеральных штатов он замещал его, в связи с чем в 1790 г. играл главную роль в конфликте с Жаком Ру. В 1791 г. он отказался принести присягу и в 1792 г. эмигрировал в Испанию, откуда нелегально руководил непокорным духовенством своей епархии. Свой мемуар папе он составил в 1796 г. в Бильбао.

²⁰ См. Abbé Rosset. Mémoire historique sur le Séminaire d'Angoulême par un prêtre de la Mission. «Bulletin de la société archéologique et historique de la Charente», 4e série, v. 6 (1ère partie), années 1868—1869. Angoulême, 1870. Поссе, подобно Жигону, путает двух Жаков Ру — рождения 1752 и 1759 гг. и делает из этого ошибочный вывод, что профессор семинарии и парижский «бешеный» не одно и то же лицо. Более обоснованно излагает этот вопрос Буассонад-Бернар (Boissonad-Bernard. Histoire du collège et du lycée d'Angoulême (1516—1895). Angoulême, 1895).

²¹ Церковь Сен-Марсиаль, расположенная в северо-восточной части города, вблизи семинарии, с XI в. принадлежала Бургейскому аббатству, а с 1712 г. находилась под духовным главенством семинарии. Глава семинарии Ж. Ж. Колло был одновременно кюре Сен-Марсиаля, а находившийся у него в подчинении Жак Ру был его помощником или заместителем. Его записи в церковных книгах начинаются с 1 декабря 1777 г. и прерываются в июле 1779 г. Arch. dép. Charente, 3 E 16-9-4. Сен-Марсиаль уже тогда был полуразрушен. Теперешнее здание построено в эпоху Второй империи.

²² Жозеф Амедей Брольи (Брогли) (1710 — 19 апреля 1784), с 1754 г. епископ, отирыск обедневшей ветви пьемонтского дворянского рода; возможно, именно поэтому он не был столь щепетил в вопросах предоставления духовного звания. Он посвятил и Жака Ру (Abbé Tricôire. Les évêques d'Angoulême. Recherches historiques depuis les origines jusqu'à nos jours. Angoulême, 1912. Агиографическая работа).

того находившихся в постоянной вражде с епископом из-за попечительства над коллежем²³.

Знакомство с произведениями Вольтера еще более способствовало распространению среди образованных людей антиклерикальных настроений.

Недовольство не ограничивалось церковными делами. Правда, Ангумуа было глубокой провинцией, и оппозиция старому режиму была здесь значительно слабее, чем в других местах. Но все же и здесь деградация феодальной системы проявлялась в бесконечных конфликтах по вопросам компетенции между представителями королевской власти, удельной власти (Ангумуа было удельным владением графа Артуа), парижского парламента, местного магистрата и по вопросу сенъериальных прав. Полномочия губернатора, интенданта, управлявшего королевским имуществом, судебного, налогового и финансового ведомств перекрещивались, усиливая общую сумятицу²⁴.

Связанная цеховыми путями, буржуазия континентальной части страны была ожесточена экономическим застоєм, являвшим собой резкий контраст с расцветом торговли в крупных морских портах. Рациональное капиталистическое сельское хозяйство, несмотря на поддержку властей, получило слабое распространение в раздробленных владениях с умеренно плодородной землей. Крестьяне-цензитарии и арендаторы страдали то от неурожая, то от падения цен на свой главный продукт — вино.

В этой среде²⁵ — нельзя сказать, что она не оказала на него влияния — и формировался Жак Ру.

В своем приходе, как об этом свидетельствуют записи в церковных книгах, он имел дело преимущественно с простым людом, однако встречался и в высших кругах. Со своими коллегами из духовенства он поддерживал, насколько известно, хорошие отношения. С деятелями же Просвещения он почти не соприкасался. Преподавание физики и философии лазаристы вели по уже давно устаревшей схеме Аристотеля и Фомы Аквинского, в духе схоластической апологетики, в основном готовя воспитанников к изучению богословия²⁶. Декарт считался здесь новатором, знакомство с которым допускалось лишь в строго ограниченных дозах; все, что было

²³ V. et J. Vujeaud. *La Charente révolutionnaire*, v. I. Angoulême, 1867, chap. XIV et XV. На труды общего характера, которые лишь между прочим касаются церковных вопросов и вопросов просвещения в Ангулеме, как, например, Шассена, Сикара, Ла Горса и особенно Морне, достаточно дать общую ссылку. То же можно сказать о трудах справочного характера по политической истории Шанселя, Масиу, Пруста, Бретта, Шаравэ

²⁴ Феодальные распри, связанные с вопросами подчинения, в маленьком Ангумуа были еще сильнее, чем в других провинциях. Наряду с королевской властью действовала власть удельная, потому что еще в средние века провинцию Ангумуа охотно отдавали во владение побочной линии принцев. По административной линии ею управлял интендант Лиможа, а по военной она подчинялась Ла-Рошели; она была подвластна юрисдикции парижского парламента, хотя, как для нее, так и для всего остального юга, существовало только писаное право. Так же обстояло дело с налогами и монетой.

²⁵ См. серию статей: G. Tesson. *La Charente au XVIIIe siècle. Déclin et chute de la monarchie. («La Charente libre»*. Angoulême, 1961.

²⁶ Мы не можем здесь останавливаться на запутанной истории упадка как епископской духовной семинарии, так и городского коллежа Сен-Луи. Жак Ру имел дело и с той и с другим, но в литературе и в скудных источниках сведения на этот счет страшно запутанны. Лазаристы восстановили кафедру философии и физики (поручив ее Жаку Ру), поскольку коллеж якобы не давал достаточных знаний будущим семинаристам. А быть может, туда проникли идеи Просвещения, так как там преподавали и светские учителя. Во всяком случае глгде нет точных доказательств того, что Жак Ру преподавал эту дисциплину в обоих учебных заведениях или что между его преподаванием в коллеже и семинарии существовало резкое разделение. Хотя он и числился, с одной стороны, канцеляром в коллеже, а с другой стороны, по данным департаментских архивов Шаранты (Arch. dép. Charente, B¹ 841, affaire Moulle, p. 49), «священником, преподавателем философии в семинарии», однако подробных сведений о месте его преподавания и о том, как и что он преподавал, не имеется

сверх этого и практиковалось в других местах, например у оракторианцев, хотя бы в виде полемики с современными философами, рассматривалось как нечто «от лукавого» и замалчивалось. До революции в Ангулеме не было ни Академии, ни ученого общества, ни газеты, хотя число жителей доходило до 12 тыс. чел.; в этом отношении его целиком заслоняли Бордо, Ла-Рошель и Лимож. Массом Жак Ру также не был, как это установил Домманже²⁷, а социально-критические ереси, вроде Дом Дешана, никогда не проникали южнее бенедиктианства Пуату²⁸. И, пожалуй, заявление Жака Ру о том, что на все недостатки, с которыми он сталкивался на каждом шагу в общественной жизни, он смотрел как морализирующий ревнитель веры, а не как демократ, соответствует действительности. Но тем самым, говоря о своем раннем аскетически-аполитическом периоде, он охарактеризовал себя как провинциального священника, не склонного к умозрительности, с проявлениями стихийного протеста. В этой связи мы и попытаемся рассмотреть случай с Миулем. Само происшествие описано Матъезом, который, должно быть, был хорошо знаком с подробной статьей аббата Мазьера об этом²⁹ (хотя он и не цитирует ее).

Ночью 18 июля 1779 г., когда, как это часто бывало и прежде, в окна семинарии кто-то стал бросать камни, повар застрелил молодого каноника Миуля. 31 июля, по жалобе отца Миуля, был арестован в числе других и Жак Ру по подозрению в подстрекательстве; кстати, арестован он был в доме своих родителей в Пранзаке, куда отправился через неделю после описываемого случая. В октябре, по окончании предварительного следствия и после обращения в кассационную палату, духовные лица были выпущены из тюрьмы. Процесс тянулся несколько месяцев; обвиняемые отделались мягким приговором парижского суда (1780) — взысканием денежного штрафа в размере 20 ливров с каждого, причем произошло это после письма короля, в котором предлагалось совсем прекратить дело³⁰.

Протоколы судебного следствия в некотором смысле любопытны. На шести страницах здесь зафиксированы первые высказывания Жака Ру³¹. Они показывают нам 27-летнего человека, уже наделенного таким же темпераментом, каким он обладал позднее, став «проповедником санкюлотов» (*prédicateur des sans-culottes*) в Сент-Никола-де-Шан, уверенного в себе, исполненного наступательного духа, в пылу полемики склонного к преувеличениям³² и при этом умно аргументирующего. Подпись его в

²⁷ Он не был ни членом ложи «Единение сердец» (основана в 1760 г.) священника капуцина Брюне, которая состояла главным образом из ремесленников, ни членом имевшей большой успех и конкурировавшей с ней ложи «Совершенный союз» (основана в 1764 г.), представителем (*député*) которой был в то время доктор Гильотен, являвшийся одновременно представителем ложи «Искренность» в Сенте. Выдвинутая Пиоро с некоторой вероятностью гипотеза о принадлежности Жака Ру в 1793 г. к парижскому масонству должна во всяком случае быть отнесена к более раннему времени.

²⁸ См. в этой связи: K. Schnelle. Die Manuskripte des Benediktiners Dom Léger Marie Deschamps (1716—1774). Ein Beitrag zur Geschichte der sozialen Ideen in der französischen Aufklärung. Habilitationsschrift. Karl Marx Universität. Leipzig, 1964 (Maschinenschrift).

²⁹ Abbé Mazière. L'affaire Miouille et le séminaire d'Angoulême en 1779. — «Bulletin et Mémoires de la Société archéologique et historique de la Charente», 8e série, v. VII, année 1916. Angoulême, 1917.

³⁰ Подобные письма о помиловании, дарованном королем, естественно, не имели успеха у сознававшего свою власть Верховного трибунала (приговоры от 18 апреля, 8 мая и 8 августа 1780 г. См. Catalogue des pièces les plus importantes contenues dans les registres du Parlement de Paris concernant l'Angoumois, la Saintonge et le Poitou, d'après les Archives de l'Empire, 1770—1785. Niert, 1865.

³¹ Arch. dép. Charente, B¹ 841, p. 49—55: свидетельские показания Жака Ру по делу Миуля, данные им Арно де Вивиллю, главному судье (*lieutenant criminel*) Ангумуа.

³² Камни, брошенные в окно семинарии, Жак Ру изображает в своем показании чрезвычайно большими, заверяя, что жизнь его подвергалась опасности (*Ibidem*).

1779 г., почти такая же, как в 1793,— с завитушкой в стиле рококо³³. Протоколы допросов говорят еще и о том, что Матъез несколько неверно осветил суть всего дела, окончательные причины которого, правда, еще не выяснены. Дело было вовсе не в закончившейся трагически проделке полуголодных учеников, а во вспышке уже давно тянувшейся войны между золотой молодежью (*jeunesse dorée*)³⁴ и черными рясами, которых отец Миуля обвинил в преднамеренном убийстве в назидание другим. Один из свидетелей показал, что молодые господа хотели «отплатить»³⁵ строгому учителю Жаку Ру, который вообще-то не имел никакого отношения к питанию семинаристов. И если адвокат истца заподозрил его в злостных преднамеренных действиях, то это, пожалуй, позволяет сделать вывод, что дело объяснялось действительно ненавистью к принципиальному преподавателю, не боявшемуся проваливать тупых учеников — даже отпрысков знатных родов³⁶.

Мы вовсе не утверждаем, что этот первый конфликт с «богатыми» уже предвещал будущего «бешеного». Напротив, Ру здесь нападает на них еще «справа», и Людовик XVI, которого он поведет на эшафот, спасает его, так как спор с церковью его не устраивает. Но тем не менее Жак Ру уже выступает как человек действия, хотя и с неверных позиций и в дурном окружении, ибо он полагает, что справедливое дело следует защищать даже силой оружия. А что он якобы не принимал участия, когда семинарское начальство «вооружало» службу³⁷, дабы силе противопоставить силу,— этому, судя по имеющимся записям в протоколах, мы не поверим.

Матъез дает понять, что это мрачное событие совлекло Жака Ру со спокойной стези столь многообещающе начавшейся духовной карьеры. Другие повторяли это за ним. У нас же подобная интерпретация вызывает сомнение, ибо она чересчур уж хорошо укладывается в одну из любимых формул контрреволюционной литературы, которая, как известно, объявляет «переворот» 1789 г., как и 1848 или 1917 гг., отчаянными действиями кучки недовольных, возглавляемых несколькими одаренными отщепенцами (*déracinés*).

На первый взгляд кажется, что Матъез прав. Хотя никому из участников серьезно не досталось, однако обстановку в городе они действительно настолько накалили, что орден лазаристов счел необходимым переместить своих скомпрометированных членов подальше от глаз — в другие места, а от услуг Жака Ру отказаться вовсе. Таким образом, его деятельности в качестве преподавателя семинарии, священника учебного заведения и викария Сен-Марсиаля был положен копец если не в том же 1779, то в 1780 г.³⁸ Дальнейшей его судьбой должен был распорядиться епископ.

³³ Между прочим, это не первая из известных подписей; записи в церковных книгах значительно более раннего происхождения.

³⁴ Arch. dép. Charente, B¹ 841. Непонятно, почему Матъез, после того как Мазьер установил, что убитому сыну адвоката было в действительности 20 лет и он уже в течение пяти лет был каноником, настаивал на том, что это был 14-летний подросток. Остальные члены этой компании были: каноник Тирон 27 лет, Маршадье-сын, адвокат, некий сьер Мольд д'Анэ и старший брат Миуля. Жак Ру сам говорит, что глава семинарии открыто оказывал предпочтение дворянам, а буржуа не хотели больше мириться с подобным унижением.

³⁵ Arch. dép. Charente, B¹ 841. Показания Пьера Жилларди, гарсона у Риво, торговца ликерами: «Он слышал, как у его хозяина говорили, что это были молодые люди... которые ненавидели господина Ру, преподавателя философии...».

³⁶ Так об этом говорится в письме Жака Ру к Марату.

³⁷ Arch. dép. Charente, B¹ 841. *Plainte du sieur Miouille, père de la victime, de 29 juillet 1779.* Так как духовные лица не имели права пользоваться оружием, то они с умыслом послали на пост службу с заряженным ружьем.

³⁸ Жак Ру вновь занял свою должность в Сен-Марсиале самое позднее 25 декабря 1779 г., т. е. задолго до вынесения приговора (Arch. dép. Charente, 3 E 291 16-9-4). Очевидно, он оставил это место лишь после того, как кюре Колло покинул приход Сен-Марсиаль и Ангулем (несомненно, из-за этого дела, которое вы-

Но об этом периоде нет никаких документов. Жак Ру утверждает, что он провел его в различных приходах, название которых он не указывает, в качестве викария или *desservant*; и в самом деле, некоторое время он был, например, помощником священника в Варень (Varaignes)³⁹. Далее он заверяет, что чувствовал себя при этом превосходно и даже не помышлял о том, чтобы оставить свою должность. Столкновение с епископом произошло лишь после того, как в 1784 г. наследником Брольи стал Филипп Франсуа д'Альбиньяк де Кастельно, наотрез отказавший Жаку Ру в хорошем приходе, на который он претендовал, ссылаясь на свои дипломы, и отдал это место другому, менее квалифицированному претенденту. По уверениям Ру, в ответ на это оскорбление он и решил расстаться с Ангумуа и попытаться счастья в других краях. Епископ не препятствовал, что было безусловно в его власти, а напротив, отрекомендовал его, правда, холодным и сухим письмом, высокопоставленной особе, которая как раз нуждалась в духовнике. Создается впечатление, что епископ был рад таким путем избавиться от Ру без лишних хлопот.

Что можно сказать об этом, какие выводы сделать?

По нашему мнению, дело Миуля не в том смысле превратило Жака Ру в «отщепенца», что выбросило его из церковной обители и разорвало нити, связывавшие его со всем общественным укладом старого порядка. Ни в 1779, ни в 1780 г. он не подвергался со стороны церковных и светских властей никаким несправедливым преследованиям и никогда на это не жаловался. Он не предпринимал ни малейшей попытки порвать с церковью или же критиковать положение в государстве. Нет, он просто старался добиться приемлемого существования, идя по проторенной тропе. Страх за кусок хлеба его также не тревожил, ибо в качестве каноника Празака он владел хотя и небольшим, но надежным источником дохода.

Возможно, правда, что пятно на его сутане — была пролита кровь и он сидел за решеткой — разрушило более высокие честолюбивые замыслы, но ведь ничего определенного в этом отношении нельзя утверждать. Во всяком случае Жак Ру никогда не считал этот период «началом своего несчастья»; эти слова относились к более раннему времени. В 1791 г., в связи со своей добровольной присягой в Сен-Сюльпис, он говорил, что это произошло 16 лет назад, в 1793 г., вероятно, округляя, — что 20 лет назад⁴⁰, а один раз даже — что 30 лет назад. И если эти цифры имеют под собой реальную почву, а это, по-видимому, так, то он, должно быть, имеет в виду выбор духовного поприща (в первом случае — посвящение в сан, во втором — пострижение). Его последние слова на смертном одре, по сути дела, подтверждают это.

Хотя к подобному выводу он пришел скорее всего только в ходе революции, справедливость его косвенно подтверждается уже делом Миуля — и в этом его истинное значение. Оно показывает нам Жака Ру не как морализующего проповедника по призванию, каким он сам себя в это время,

звало определенное моральное осуждение). Преемник его, лазарист кюре Л. М. Пуарье (1780—1791), по неизвестным причинам не исполнял своих обязанностей. Последняя запись Ру сделана 18 июня 1780 г. Пуарье позднее также переехал в Сентонж и во время дехристианизации отрекся от сана в Рошфоре.

³⁹ По данным мэрии Варень, в то время местными кюре были Дюкюи (1771—1784) и Дюку (1784—1791). Актов за подписью Ру не имеется. Однако бросается в глаза, что с 1 по 7 июля 1784 г. действительно было междуцарствие: возможно, что Жак Ру помогал здесь «неофициально», тем более что в Варень была монастырская часовня, которая подчинялась не кюре, а Ангулему, но здесь никаких регистрационных книг не велось (сам же Варень находился в Перигоре, близ Нонтрона).

⁴⁰ Помимо опубликованных в «*Révolution de Paris*» и в «*Publiciste*» высказываний Жака Ру, имеется еще черновик проекта защитительной речи без даты и без названия (*Arch. Nat.*, W 20, pl. 1073), написанный во время ареста осенью 1793 г. и упомянутый впервые Захером: «... вот уже двадцать лет, как я являюсь жертвой деспотизма духовенства и дворянства».

возможно, еще считал. Нет, вместо того, чтобы подставлять другую щеку, Ру велит стрелять и считает это решение принципиально правильным; и несмотря на то, что дело кончилось смертью, он без тени сожаления признает это в порядке вещей. После этого вряд ли можно говорить о «внутреннем призвании» и о «христианских» побудительных мотивах.

Подобное толкование подкрепляется поведением д'Альбиньяка де Капельно. Как заносчивому представителю той группы прелатов, которые в первую очередь считали себя аристократами и лишь во вторую — епископами⁴¹, Жак Ру должен был казаться ему не только непонятым, но возможно и подозрительным. Капельно предпочел скорее отпустить Жака Ру на все четыре стороны, чем доверить ему деревенский приход. И это после почти десятилетней духовной карьеры и в таком возрасте, когда дворяне становятся уже епископами. Если авторитет Жака Ру в Ангулеме серьезно пострадал, то епископ должен был бы удовлетвориться тем, что Ру добровольно решил, так сказать, затеряться среди крестьян. Если бы он в чем-либо провинился, можно было бы прибегнуть к интердикту, ибо почетный перевод в другую епархию был бы лишним риском.

Таким образом, Жак Ру, по понятиям д'Альбиньяка де Капельно, уже в 1785 г. стал личностью беспокойной и нежелательной. Почему — это покажет нам его последующее поведение в Сентонже.

* * *

По сведениям, исходящим от самого Жака Ру, в 1786 г. он устроился домашним капелланом в замке графа де Монтозьё⁴² в Пти Ангумуа. Для подтверждения этого Ру цитирует письмо кюре прихода Сент-Радегонд, в котором последний удостоверял его хорошее поведение.

К сожалению, до сих пор не представлялось никакой возможности проверить это. Во времена «короля-солнца» граф де Сен-Мор, прообраз «многого больного» Мольера, вместе с супругой — манерной мадам де Рамбуи — удалились в замок Монтозьё. Благодаря брачному союзу с Крюссольями его наследники оказались связанными родственными узами с де Каррами; и все же Андре де Крюссоль граф де Монтозьё (1738—1823) испросил себе капеллана не у бывшего сеньера Жака Ру (т. е. де Кара), а непосредственно у епископа, либо потому, что у епископата Сента, которому он подчинялся по церковной линии, действительно не хватало людей, либо по чисто партикулярным соображениям, ибо граф занимал в Ангумуа официальный пост.

Хотя он сам и до революции и в начале ее, а его замок во время «Великого страха» упоминаются в документах⁴³, однако никаких свидетельств о пребывании там Жака Ру, к сожалению, нет. Одно из многочисленных

⁴¹ Для Филиппа Франсуа д'Альбиньяка де Капельно (1742—1814), посвященного в епископы дром Сорбонны Триаду 18 июля 1784 г., даже аббат Трикуар (Abbé Tricoire. Op. cit.) не находит оправдывающих обстоятельств. Он был лишен сана епископа по Конкордату 1802 г., который он не признавал до самой своей смерти (в Лондоне). Это не исключает того, что Жак Ру, возможно, кое о чем умалчивал и вопрос о должности священника умышленно поставил лишь перед новым епископом, полагая, что последнему не так хорошо известна эта печальная история. Иначе непонятно, почему «добрый» Брולי держал его до 1784 г. в неопределенном положении.

⁴² Жак Ру, а за ним и Матез неправильно писали Монтозьё (Montlausier), из-за чего возможна путаница с Монтозьё (Montlosier). Здесь речь идет несомненно о Монтозьё (Montausier).

⁴³ Граф принес в 1781 г. ленную присягу графу Артуа, в 1789 г. участвовал в составлении дворянских наказов от Ангумуа, в июле пережил «Великий страх», с 1793 по 1803 г. находился в эмиграции. О «Великом страхе» в районе Бэнь-Барбёзьё см. «Mercure de France», 22 сентября 1789 г. Помимо этого, имеется и другое упоминание о событиях того времени в Барбёзьё: «1789 28, 29, et 30 juillet. Mouvement populaire à Angeduc, canton de Barbezieux et dans les paroisses voisines», «Revue de Saintonge et d'Aunis», v. 1, 1879, p. 56.

местечек под названием Сент-Радегонд (Бэнь) расположено, правда, поблизости, но в томашней церковной книге, как это подтвердил просмотр, записей, сделанных рукой Жака Ру, не оказалось. Да этого, собственно, не следовало и ожидать. Было бы чистой случайностью, если бы Ру помогал своим сельским коллегам не только во время мессы и в роли духовника, но и в заключении браков или при крещении и погребении. Однако считать его пребывание здесь выдумкой, как и его трагикомическое путешествие в «Массильи в Лангедоке» в 1790 г., у нас нет никаких оснований, и мы сейчас убедимся, что он действительно знал богатые каштанами и трюфелями лпственные леса вокруг Бэнь и Барбэзье, так же как и замок.

В 1789 г. Ру окончательно перебрался в Сентонж⁴⁴. Наконец-то он получил долгожданный приход, и притом такой важный, как Коз. Теперь он подчинялся сентскому епископу Пьеру Луи де Ларошфуко⁴⁵, потому что самой богатой семьи в Ангума, родовое поместье которой было расположено поблизости от Пранзака.

Строго говоря, Жак Ру стал в Коз только викарием, а не городским кюре (*curé de bourg*), так как в большинстве приходов Франции эта должность и доход в 2600 ливров числились за феодалом, владевшим правом десятины. Приор де Мортань выделял своему «заместителю» скудное месячное жалованье, т. е. весьма жалкую долю. Однако последняя, в связи с повышением цен, была незадолго до этого собранием духовенства увеличена по всему королевству. К этому следует добавить побочные доходы, размеры которых колебались в зависимости от достатка прихожан. Вот почему Жак Ру с полным правом считал Коз «хорошим приходом».

Жак Ру попал теперь в совершенно новую обстановку — это был веселый край винограда и пшеницы, где перекрещивалось немало всевозможных влияний. Торговый договор с Англией, вокруг которого разгорелось так много споров, обрек французскую промышленность на кризис сбыта и безработицу, но в то же время создал на выгодно расположенном в смысле экспорта побережье, где занимались виноделием, хорошую коньяктуру, продержавшуюся целых шесть лет⁴⁶.

В соседнем порту Тальмонт за 100 лет до этого, во времена Фронды, одним из оплотов которой был Сентонж, еще жили испанцы. А местность вокруг Мешера служила в свою очередь упорно отстаиваемым прибежищем гугенотов, откуда вышел не один известный «проповедник пустыни» времен преследования. После признания за протестантами гражданских прав они перешли на легальное положение и учредили в Коз даже свою епархию, как раз в те дни, когда там находился Жак Ру.

В более крупных населенных пунктах можно было встретить масонов. Из Ла Рошели по всей провинции распространялись идеи Просвещения. Там имелась академия и редакция журнала, действовали адвокаты, впоследствии депутаты Конвента, якобинцы Бернар и Гарнье из Сента, ораторшанцы Фуше и Билло-Варенн. Здесь уже началось брожение умов: предсказанное Калонном банкротство государства, сопротивление нотаблей, оппозиция парламентам и провинциальных сословий пробудили в местном обществе интерес к политике.

⁴⁴ Пти Ангума было как бы островком, который в политическом отношении подчинялся одноименному герцогству, а в церковном — Сентской епархии.

⁴⁵ Брат епископа Бовэ, из побочной линии Байеров (*Bayers*) (*L. Audiat. Deux victimes des Septembriseurs. Lille — Paris, 1897.* Работа апологетичная, исполненная ненависти к революции и к Жаку Ру в особенности, но богатая фактическим материалом, так как Оди десятилетия лет играл ведущую роль в Археологическом и историческом обществах).

⁴⁶ *Arch. dép. Charente Inférieure (La Rochelle), C 260-bis. Réduction en un seul des Cahiers des Souhaits, doléances et remontrances du Tiers Etat par les paroisses de Cozes... réunis ensemble sous la dénomination de district occidental de Cozes (12 mars 1789).* В § 18 авторы этого наказа очень резко выступали против церковных доходов, в § 26 — против утечки денег в Рим и в § 27 — против епископа.

В теологическом споре, разгоревшемся среди духовенства из-за «малого дикта веротерпимости» в отношении протестантов, Жак Ру ничем не проявил себя. Неужели он к тому же был аполитичен?

Счастливая находка подсказывает нам, что в Коз он увлекся литературой и весь ушел в поэзию. Редактора «Journal de Saintonge et d'Angoumois» нельзя винить за то, что он являлся крестным отцом только одного дитяти его музыки, ибо как рифмоплет Жак Ру оказался еще слабее Робеспьера. Но как бы то ни было эта поэма дошла до нас.

*La fête manquée ou la hure de sanglier portée
du Château de M... * près Baigne, a Barbézieux.*

Né sous une étoile propice
Silvain me fit le sacrifice
Du plus tendre de ses sujets...
Dès cet instant quels doux projets!
Nymphes, Bacchus et la Folie,
Graces, soyez de la partie!
Venez célébrer le vainqueur.
Mais Cupidon d'un ton moqueur
Reproche à sa mère nature
Sa chute des fleurs, sa parure,
L'hiver, les frimats, les glaçons.
L'esprit n'est pas toujours d'accord avec lui même...
*Près du feu les serpents vous font du mal extrême**;*
Et vous soufflerez les tisons.
Ah, mon enfant, restez en cage...
Vous n'en serez ni plus ni moins volage...

Un Dieu porté sur les ailes du vent
Déjà sur votre autel a placé mon présent.
D... reçois cet hommage,
Le sentiment, non le langage
Peut en déterminer le prix.
Si votre coeur en est épris,
Nous chanterons qu'a l'Isle de Cythère
(Après avoir à longs traits bu)
Tous s'affranchit jusques au Cerbère
Vos armes sont l'amour et la vertu.

*Par M. Roux de Pransac, Vicaire de Coze*⁴⁷.

* Монтозье.

** Автор считает, что эта строка содержит аллегорию.

*** Эта строка многоточий имеется в рукописи.

*Неудавшийся праздник, или свиная голова,
принесенная из замка М... вблизи Бэнь, в Барбезье.*

Рожденный под счастливой звездой,
Сильвен пожертвовал мне
Самого нежного из своих подданных...
С этого момента, о сколь сладкие надежды!
Нимфы, Вакх и Исступление,
Грация, примите в этом участие!
Приходите чествовать победителя.
Но Купидон насмешливым тоном
Упрекает мать-природу
За гибель цветов — ее убора,
За наступление зимы, холода, снега.

Как мы видим, это — провинциальные анакреонтические упражнения, которые можно простить деревенскому священнику, рассматривая их как пробу пера или занятие на досуге. Однако следует иметь в виду, что и пасторальная лирика не была оторвана от своей эпохи. Она в известной мере перелагала на музыку программу физиократов, программу одухотворения сельской жизни и отстаивала (о чем свидетельствует заключительная строка оды «Свиная голова») буржуазные добродетели. Она добивалась признания реалистической манеры описания, не скупилась на пародии, классовая антифеодалная направленность которых часто проступала наружу.

Воспевание Вакха и Купидона еще не говорит об отсутствии мировоззрения, если даже учесть, что мы не в состоянии расшифровать намек, который столь нарочито делает Жак Ру. Прийти к заключению, что «змеи у очага» имеют какую-то связь с уходом из замка Монтозье, было бы слишком смело. Биограф должен радоваться уже тому, что в первом же обнаруженном им произведении его героя дано, хотя и несколько гастрономически раскрашенное, описание местности.

Но ода интересна не только этим. Дело в том, что стихотворение сопровождается подробным примечанием от редакции. Из него следует, что когда редакция решила вначале отклонить публикацию, она вызвала гневный протест автора. Обвиненный в отсутствии оригинальности, Жак Ру оскорбляет издателя и доморощенного поэта журнала с уже знакомой нам чрезмерной горячностью: у него, мол, есть все основания помалкивать, куда он сам черпает свое поэтическое вдохновение у парижских корифеев во время поездок в столицу⁴⁸. В отместку издатель не поленился указать Жаку Ру на пробелы в его знании современной истории литературы⁴⁹. Но зато теперь он уже печатает «Свиную голову» вместе с протестом Ру. Во-

Рассудок не всегда в согласии с собой...
У очага змеи жалят сильнее всего;
А вы будете раздувать головешки.
Ах, дитя мое, оставайтесь в клетке...
Вы не будете там ни более, ни менее ветрены...
.
.
.
Бог, прилетевший на крыльях ветра,
Уж возложил мой дар на ваш алтарь.
Д... прими эту дань;
Не язык, только чувство
В состоянии оценить ее.
Если ваше сердце захвачено этим чувством,
Мы сносим, что на острове Цитеры
(Прежде унывшись вином)
Все станет свободным, вплоть до Цербера.
Ваше оружие — любовь и добродетель.

Г-н Ру из Праизака, викарий в Коэе.

«Journal de Saintonge et d'Angoumois», N LII (409), du dimanche 30 décembre 1787.

⁴⁸ Текст письма следующей: «Не могу не восхищаться вашей беспристрастностью. Кстати, в течение года вы не сочли возможным опубликовать стихи, которые я вам послал. Я полагаю без ложной скромности, что во всяком случае они не хуже ваших, ибо ваша муза не была бы столь блестящей, если бы вы не облакали ее в одежды за счет гг. Мальфилатра и Дэмаи; из достоверных источников известно, что вы ловко присвоили некоторые рукописи этих авторов, с которыми вы познакомились во время пребывания в Париже в 1785 г. Вы можете воспользоваться этим письмом как вам заблагорассудится, но я сомневаюсь, чтобы у вас хватило смелости ответить на него. Р...»

⁴⁹ Замечание редактора: «Это письмо со штемпелем Коз носит совершенно тот же характер, что и стихи; оно соответствует также тому, что его автор говорил уже некоторым лицам. Поистине из ряда вон выходящее обвинение. Нас обвиняют уже в похищении рукописей не Соважера и Пезэ, а Мальфилатра и Дэмаи (очевидно, мы похитили их, еще лежа в колыбели, судя по дате смерти этих авторов); сколь неуклюже сгласалась в этих обвинениях низкая зависть! Когда же мы удостоимся чести быть обвиненными в похищении рукописей Вольтера! Для нас было бы только лестно, если бы публику одурачили подобным вымыслом».

первых, чтобы показать, что он, вопреки предположению Жака, все же «осмелился» это сделать; во-вторых, чтобы доказать подписчикам, что его предубеждения относятся лишь к действительно дурным виршам. Правда, этому противоречит тот факт, что в редакции имелось еще несколько строф, в которых Жак Ру с издевкой обрушивался на «почтенных духовных лиц», и которые вследствие этого, к сожалению, были отправлены в мусорную корзину⁵⁰.

Мы видим, что к приближающейся революции Жак Ру шел весьма сложным путем, который более всего соответствовал его воспитанию, его характеру и его положению. Он прибегает к проповеди и иронии. Он не отказывается от них и в более зрелом возрасте. Его склонность к искусствам (еще на улице Омер он любил играть на арфе) вовсе не исключала плохо обуздываемого, очень субъективного и потому недостаточно контролируемого наступательного духа. Уверенный в себе, не признававший ни чинов, ни званий, он столкнулся в Ла-Рошели, как когда-то в Ангулеме, с теми узколобыми, с которыми в лице «умеренных» он будет сражаться и в будущем. И все же было бы неверно отнестись его слова о том, что республика жила в нем самом еще до ее провозглашения, уже к 1787 г. До того как разразилась буря, у него столь же трудно обнаружить проблески политического сознания (во время его личной войны против высшего духовенства и тех, кто перед ним пресмыкался), как и у большинства других будущих революционных деятелей. Однако его рифмованные опусы говорят нам о том, что у него уже появилась потребность выявить свой дух противоречия, а не таить его: Жаку Ру уже нужна трибуна и публика.

* * *

Когда кризис «старого порядка» стал приближаться к своему апогею, Жак Ру уже покинул Коз. В конце 1788 или самое позднее в начале 1789 г. он уже викарий в церкви Сен-Тома-де-Конак. Здесь его и застала революция. Нет смысла гадать о причинах, побудивших Жака Ру переменить местожительство. По его собственному заверению, он ничего не потерял при этом; такое заявление заставляет нас подозревать, не хочет ли он отвести другие предположения. С другой стороны, если бы речь шла о переводе в виде наказания или о каком-нибудь «*diminutio capitis*», его законный враг генеральный викарий Тайе не умолчал бы об этом⁵¹. Несомненно, первому советчику, а в скором времени и заместителю епископа это должно было быть известно; к тому же он знал Жака Ру лично по его неоднократным визитам и ходатайствам в епископстве. Действительно ли приход Сен-Тома-де-Конак с его 280 дворами был «равен» приходу Коз с его 473 дворами — это другой вопрос. Это местечко на самой южной окраине Сентонжа носило куда более деревенский характер, чем Коз с его средневековым патрициатом в миниатюре. Здесь атмосфера была несколько иной.

До самого Сен-Тома тянулись болотистые, но плодородные земли Жиронды с их наносной почвой, которые в конце XVIII в. стали усиленно

⁵⁰ Замечание редактора: «Мы имеем перед собой еще один отрывок из стихов того же автора, в котором среди прочих странностей можно отметить следующие выражения: непримиримые элементы, фурии открывают и закрывают тысячи могил Борей и Тоннэр (боги ветра и грома) отступают в страхе и ужасе... Смесь духа и глины — говорится о некоторых почтенных духовных лицах; наше уважение к лицам, которые там упомянуты, не позволяет нам опубликовать эти стихи». Приводимые выражения принадлежат, несомненно, перу «подлинного Жака Ру».

⁵¹ А. Тайе (A. Tailliet. *Op. cit.*, p. 333) лишь сухо сообщает, что Жак Ру был в течение нескольких лет викарием в этой епархии и что причиной его окончательного ухода (отъезда в Париж) было отклонение его ходатайства о получении прихода (Амблевилль). Позднее он объявил Жака Ру одним из злейших и опаснейших чудовищ, каких только знала Франция с 1789 г., однако умалчивая об интердикте 1790 г., который был вынесен им самим или при его участии.

обрабатывать. Старое, феодальное дворянство и разбогатевшие «судейские крючки» с одинаковым рвением принялись захватывать надель в надежде на богатую ренту, разумеется, в ущерб крестьянам. Так, герцог де Ришелье⁵² владел землями прихода Сен-Тома до самого Фронзака, а по соседству все земли скупил Пати де Бельгард, советник парламента Бордо⁵³.

Местное сельское население славилось своим мятежным духом. Крестьяне ожесточали многочисленные процессы из-за целинных земель, которые, на основании писаного права, принадлежали королю, а не сеньеру. К тому же ведь это была не какая-то отрезанная от всего света, всеми забытая окраина. Многие из крестьян, особенно во время американской войны 1778—1783 г., плавали за море, некоторые стали свидетелями победы республики в Новом Свете; другие ходили на заработки в Бордо, навещали там родственников или же сбывали свои продукты, спускаясь туда по реке на лодках. Появлялись в этих краях и иностранцы — ведь море было не за горами. Уже многие годы сыпались жалобы на разбой, в который пускались разоренные крестьяне, списанные с кораблей матросы и деклассированные элементы из расположенного по соседству большого города. В дальнейшем даже в наказах депутатам Генеральных штатов этому темному пятну уделялось особое внимание⁵⁴.

Таким образом, для французской провинции общество, в которое попал Жак Ру, можно считать весьма неустойчивым: геральдические знаки не были здесь в большом почете. Нельзя также утверждать, что оно страдало чрезмерной набожностью. Опять-таки Тайе, которому, так сказать, и «карты в руки», жалуется на потрясение религиозных устоев, распространившееся даже на низшее духовенство, большинство которого действительно присоединилось к буржуазной революции⁵⁵.

Выборы в Генеральные штаты, совпавшие с крайне напряженной экономической и политической обстановкой, взбудоражили всю провинцию. Правда, зимой 1788/89 г. в Сентонже не было ни голода, ни бунтов, однако сведения о событиях в Бордо, Тулузе, Бретани и, разумеется, в столице быстро проникли по большому почтовому тракту через Сент в Сентонж. Вызывает сомнение, принимал ли Жак Ру, ввиду своего неопределенного положения, участие в выборах от первого сословия, которые, кстати, привели чуть ли не к поражению епископов как в Сентонже, так и в Ангумуа и как бы предвещали раскол церкви в 1791 г.⁵⁶ Скорее всего он был зна-

⁵² Весьма пресгарелый герцог Ришелье (родился в 1696 г.) скончался 8 августа 1788 г., и его сын (до того граф де Фронзак) унаследовал ему. Он был последним сеньером Жака Ру, а его сын Арман Эммануэль дю Плесси, граф де Шинон, герцог де Ришелье (1766—1822) был впоследствии градоначальником Одессы (1803).

⁵³ «Revue de Saintonge et d'Aunis», v. I, p. 254. Мишель Пати де Бельгард из весьма многочисленной и влиятельной семьи, принадлежавшей к высшим чиновничьим кругам магистрата Бордо, в 1778 г. купил у барона де Сен-Дизан замки Сел-Жорж-дез-Агу и Буарош близ Сен-Вонне, приобретя одновременно и связанные с ними сеньеральные права.

⁵⁴ Arch. dép. Charente Inférieure, C 260 bis. Doléances et plaintes et remontrances des paroisses du district de St. Ciers de Cônac, rédigées dans un seul et même cahier. § 11: «...ввиду большого количества разбойников и особенно близости морских и речных портов...»

⁵⁵ См. А. Тайе (A. Taillet. Op. cit., chap. 3): «Кюре, викарии и другие священники...» Говоря о значительной цифре присягнувших (свыше 2/3), он ссылается (стр. 279) на большое число протестантов и слишком изнеженные нравы. Так, на стр. 342 он признается: «Это истина, составляющая мучение всей моей жизни: Сентская епархия принадлежит к числу тех, которые понесли наибольшие потери...»

⁵⁶ Согласно церковному праву, Жак Ру оставался священником Ангулема, который не входил в Сентскую епархию, и поэтому не числился среди тамошнего духовенства. А чтобы иметь право голоса в Ангумуа, он должен был быть кюре. Кроме того, священники, бывшие по положению только викариями, допускались к выборам лишь с определенными ограничениями. См. Arch. Nat. V^a 77, B III 130, AD I 11; Bibliothèque Nationale. Le²⁴ 171. Д'Альбиньяк де Кастиельно получил нужное число голосов лишь во время третьего тура. У Ларошфуко же, благодаря подготовительной работе, проведенной Тайе, дело прошло более гладко, однако епископ Они де Рошфор (так же как и епископ Периге) провалился на выборах.

ком с наказаниями, подготовленными в Сен-Сьер-де-Конак 12 марта 1789 г., накануне выборов в Сенте, представителями третьего сословия, мелкими буржуа и зажиточными крестьянами, и был согласен с ними⁵⁷.

Мы не ошибемся, если выскажем предположение, что именно в первые месяцы 1789 г. и созрело его решение сделать дело нации своим делом. После всего, что нам известно о формировании его характера, нас не удивит, что Жак Ру придал этому шагу весьма конкретный характер⁵⁸. Он был одним из первых в своем сословии, кто во вдохновенной проповеди встал на сторону парижан, штурмовавших Бастилию⁵⁹. При этом особое удовлетворение ему, должно быть, доставляло сознание того, что его брат, также священник, решительно присоединился к нему. Будучи человеком впечатлительным, Жак Ру не впадал в абстракцию: он не только рассуждал о человеческих и гражданских правах, но особенно горячо ратовал за права своих крестьян, пришедших в волнение во время «Великого страха»⁶⁰. Однако, перелистывая календарь, можно доказать, что Ру никак не мог дать сигнал крестьянскому восстанию, вспыхнувшему в конце апреля 1790 г. в Сен-Томе, Буароше и Сен-Жорже-дез-Агу⁶¹, так как в «критическое воскресенье» находился в Амблевиле. Все подобные обвинения исходят из вторых рук, и утверждения всех вторящих им авторов не основаны на едином показании очевидцев⁶² и носят, естественно, характер

⁵⁷ Представителями третьего сословия в Сен-Сьер-де-Конак были пять юристов, пять буржуа, один купец, два врача, шесть землепашцев, имеющие быков. Читая § 10 их наказа, можно даже предположить, что его составлял Жак Ру, так точно совпадает он с нарисованным им положением: «...почти во всех приходах имеются крупные сборщики десятины, которые отбирают весь продукт, и юре, которым достаются лишь жалкие объедки и которые обречены поэтому по большей части на скудное существование. Те, кого постигла такая участь и кому достались большие приходы, не могут оказать никакой помощи беднякам, ибо им самим не на что жить, поскольку они не получают доходов от своей вотчины (patrimoine)». На эту «вотчину» и ссылается Жак Ру в известном памфлете против Эпелле. Во всяком случае он разделяет в этом отношении участь многих сельских священников.

⁵⁸ Тайе (A. Tillet. Op. cit., p. 333) поставил вопрос, как и следовало ожидать, с ног на голову. Жак Ру являлся якобы «насколько это было в его силах, первым сеятелем семян революции» в Сентской епархии.

⁵⁹ *Le triomphe des braves Parisiens sur les ennemis du bien public, par M. Jacques Roux, prêtre du diocèse d'Angoulême (sic! — В. М.), apôtre et martyr de la Révolution.* (Без места и даты издания). Bibliothèque Nationale, Lb³⁹ 8638. Последующая редакция 1790 (?) г.

⁶⁰ «Великий страх» с особой силой охватил в конце июля 1789 г. пограничную область между Ангумуа и Сентонжем: Анжедук, Барбезье, Бэнь (см. выше), Коньяк («Journal de Saintonge et d'Angoumois», 1789, p. 262, 268, 271, 278, 304). Ангулем и Ларошфуко отделались испугом.

⁶¹ В рукописном списке священников, хранящемся в Сен-Бонне, имеется запись времен Реставрации (очевидно, сделанная священником по памяти): «Пожар Бороша (или Буароша)». В заключении записи значится: «Г-н Бороша (Жозеф Пати, наследник Мишеля.— В. М.), которому было не более 30 лет, когда был сожжен его замок, умер в России, куда он бежал. Он покончил самоубийством, ибо подписал, не ведая какую, конституцию». Хорошо бы это сообщение о Жозефе Пати (Дюпати) де Бельгарде, сире Буароша (Бороша), проверить, зная эти имена.

⁶² Самое известное сообщение от 30 апреля 1790 г. из Сента исходит от Тюрпена, королевского комиссара по образованию в департаменте Нижняя Шаранта (Arch. Nat., F⁷ 3664. Département de la Charente Inférieure. Ministère de l'Intérieur. Correspondance et pièces relatives aux attroupements, violences et excès commis dans divers lieux du Département de la Charente Inférieure. Années 1790 et 1791. 35 pièces). Тюрпен ни словом не упоминает о том, что восстание было вызвано проповедью Жака Ру. Далее он утверждает, что совершенно не знает того человека, о котором идет дурная молва, как о подстрекателе, стороннике равенства. Герцог де Майе также вовсе не упоминает в своем письме от 4 мая имени Жака Ру. Интендант Ла-Рошелли де Ревьерс 7 мая обвинил викария Сен-Жорж-де-Кото в том, что он произнес фразу: «Пусть теперь все имущество будет общим». Если он тоже перепутал и имел в виду Жака Ру (а это вполне возможно, поскольку Сен-Жорж-де-Кото и Сен-Жорж-дез-Агу часто путают и в литературе), то во всяком случае 9 мая он устраняет это подозрение: «Я повторяю здесь, что достоверные сведения,

оговора⁶³, так как направлены к тому, чтобы сломать ему шею, что и было достигнуто интердиктом генерального викария в июне 1790 г. Это и принудило Ру к бегству, заставив его обосноваться в Париже и посвятить себя целиком делу революции⁶⁴.

В этой связи интересно отметить другое: не мог ведь гнев как духовных, так и светских представителей «старого порядка» обрушиться на него как гром с ясного неба. В глазах сильных мира сего утверждение, будто Жак Ру подстрекал крестьян и тем угрожал существующим социальным порядкам и компромиссу, заключенному в ночь на 4 августа, должно было иметь под собой нечто реальное. Только этим можно объяснить, что в такое смутное и неопределенное время, когда контрреволюция предпочитала прибегать ко всевозможным тактическим уловкам, дело дошло до открытого преследования, причем Жак Ру не мог рассчитывать даже на поддержку умеренных конституционалистов. Именно поэтому Жак Ру, имея в кармане алиби⁶⁵ в отношении восстания, не посмел принять вызов. После успеха карательной экспедиции⁶⁶ он понял, что против него образовался фронт, прорвать который он считал себя еще не в силах. Это был сговор должностных лиц (*gens en place*), которые никогда не простили бы ему, что он проповедовал опасную доктрину, уверяя народ, будто земля принадлежит всем на равных правах, а посему не следует платить никаких сеньериальных повинностей. Можно совершенно точно сказать, что он не формулировал этого так определенно, а высказывался в ту пору лишь весьма туманно в духе Руссо, в духе обыкновенной буржуазной земельной реформы, как это явствует из его проповеди о взятии Бастилии, примерно в это же время сданной в печать.

* * *

Приведенные выше соображения не являются ответом на поставленный Мишле вопрос, кем собственно был Жак Ру. Они лишь сводят воедино немногие из тысяч черточек, из которых слагается облик человека, но которые все же, по словам Франца Меринга, не составляют его всего.

которые я получил, никоим образом не касаются викария Сен-Жоржа, упоминаемого мною в первых моих сообщениях).

Матьез и те, кто у него списывал, знают только Тюрлена. См. также «*Moniteur Universel*», N 143, 23 mai 1790 и статью Др. Вижана в «*Progrès de la Charente Inférieure*», 21 février 1909 (Bibl. municipale de Saintes), где он приводит юпошеские воспоминания бабушки Эжена Пелльтана родом из Сен-Тома. В указанном списке священников из Сен-Бонне Жак Ру также не упоминается.

⁶³ Как это делается, видно на примере Л. Одиа. В его оправдательном документе № 1 от 29 апреля сообщается, что первое столкновение произошло в воскресенье в церкви Сен-Тома, где были сломаны скамьи (предназначенные для знати! — В. М.), и ни единым словом не упоминается кто-либо из священников (которые вряд ли способны были призывать к чему-либо подобному) (L. Audiat. *Emeute à St. Thomas de Cónas*, p. 407 sqq.).

Однако в своих многократных рассуждениях по этому поводу Одиа делает козлом отпущения Жака Ру и вполне конституционную фразу о «триумфе храбрых парижан» 1789 г., соответствующую лозунгу «Вера — закон — король», он превращает в поджигательскую речь 1790 г.

⁶⁴ В памфлете против Эпелле, говоря о начале своей деятельности в клубе Сен-Никола де-Шан в секции Гравилье, Жак Ру указывает точную дату — апрель 1791 г. До этого он был временно викарием прихода Сент-Маргерит, что можно утверждать с некоторой достоверностью.

⁶⁵ Жак Ру мог сослаться на свидетельство жителей коммуны, которые хотели, чтобы он был у них кюре (они познакомились с ним, когда он временно замещал у них священника). Кажется, это действительно была патристически настроенная коммуна, и, разумеется, Тайе не пошел ей навстречу. Ру сделал лишь две записи в церковной книге — 3 и 13 мая 1790 г. Его преемник Левро появляется впервые 28 мая (в 1793 г. он становится кюре). См. Arch. dép. Charente, 3 E 10—1.

⁶⁶ Arch. dép. Charente Inférieure. La Rochelle, B 599. *Plumitif d'audiences criminelles du sénéchal de Saintes*. Жак Ру не фигурирует среди 42 обвиняемых «мятежников» и никем из них не упоминается.

«Революционером не рождаются, им становятся», — скажет впоследствии Карно. Поток революции подхватил и увлек за собой Жака Ру. Подъем пародных масс как бы облагородил мужественного одиночку, перечеркнув воспоминания о его индивидуальных слабостях, и возвел его в вожди санкюлотов, сделал главой «бешеных».

Жаку Ру исполнилось уже 38 лет, когда ветер революции унес его в Париж. Еще до него туда поспешили епископы д'Альбиньяк де Кастельно и де Ларошфуко⁶⁷, его товарищ по семинарии Пьер Матье Жубер, вскоре ставший первым конституционным епископом Ангулема⁶⁸, граф де Кар⁶⁹, Сен-Симон и Гильотен. Никто не считал нужным запечатлеть образ Жака Ру. Но мы знаем, что это был большого роста худой смуглый южанин с орлиным носом⁷⁰; на наблюдателей производило глубокое впечатление, что при сильных душевных переживаниях он внезапно бледнел и его выразительные серые глаза загорались⁷¹. С людьми он был приветлив⁷². От семьи он, должно быть, постепенно совсем оторвался, после того как умерли родители, а братья и сестры переженились и повыходили замуж или просто покинули Пранзак⁷³, а сеньер покрыл себя позором, эмигрировав. Новую родину он искал и нашел у кордельеров, среди обитателей чердаков и подвалов секции Гравилье⁷⁴, в рабочем сердце этого огромного гостеприимного города. Именно они-то и сделают Жака Ру тем, кем он вошел в историю.

⁶⁷ Оба отказались в 1791 г. принести присягу. Пьер Луи де Ларошфуко вместе со своим братом погиб во время сентябрьских казней 1792 г. (кстати, Жак Ру излагает свое отношение к сентябрьским событиям в своем памфлете против Эпелле). Д'Альбиньяк де Кастельно эмигрировал в Англию в связи с принятием декрета от 26 августа 1792 г.

⁶⁸ Они могли лишь мимолетно знать друг друга, так как Жубер, будучи старше (он родился в 1748 г. в Ангулеме), очень рано стал деревенским священником. Правда, в 1778 г. он попал в коммуны ангулемского предместья Сен-Мартен, где и оставался до тех пор, пока не был избран в Генеральные штаты. В 1791 г. он стал епископом, но в 1793 г. отрекся от сана и женился.

⁶⁹ Депутат от дворянства в Генеральные штаты. Под предлогом необходимости лечения на курорте в Спа он эмигрировал одновременно с обоими принцами сразу же после взятия Бастилии. Его брат и издатель мемуаров последовал за ним, оставив свою жену, которая признала революцию. Граф Франсуа из пуатевинской линии, депутат от дворянства Шательро, покинул Францию в 1790 г. и отказался от своего мандата депутата Учредительного собрания.

⁷⁰ Archives de la Police de Paris, AV 319.

⁷¹ В этом вопросе впечатления его современников совпадают, будь то Колло д'Эрбуа, Грев или Ланоз.

⁷² Тайе (A. Tailliet. Op. cit., p. 333) приводит одну фразу, которую он, возможно, заимствовал из парижского жаргона времен партийных распрей: «Под внешней кротостью он скрывает душу дьявола».

⁷³ Arch. dép. Charente, 3E 292 — 1. Мать умерла в 1786 г., отец — в 1787 г. После их смерти он получил по наследству небольшую вотчину (patrimoine) (наверное, как раз ту часто упоминаемую ренту в 200 ливров). Сестра Жанна вышла замуж в 1780 г., одна Мария — в 1787 г., другая — в 1788 г. Жак-Мадлен был женат; относительно двух других сестер никаких записей нет; из братьев трое умерли в раннем детстве, один — юношей (в 1782 г.). Третий Жак, у которого в 1790 г. родилась дочь Мария и крестным отцом которой был Луи, умер в 1791 г. Жак Ру (согласно записям в церковной книге за май и сентябрь) еще в 1789 г. жил в Пранзаке. Определенные деловые связи с Ангулемом он еще поддерживал (по данным Бланше, нашедшим подтверждение в протоколах допроса. — Arch. Nat. W 20, pl. 1073), о семейных же связях никаких данных нет. Можно предположить, что он сохранил в какой-то мере связь со своим братом Луи, разделявшим его взгляды. В 1791 г. Луи стал священником и присягнул конституции (как сообщает Нанглар, он был тогда простым писцом), в 1792 г. он стал кюре в Шампань-Мутон. Однако он вскоре снял рясу, некоторое время жил в Ларошфуко, а в 1793 г. вступил добровольцем в армию. В звании капитана участвовал в боях против Вандеи. В это время он писал: «Вы меня спрашиваете, брат ли мне Жак Ру: да, брат. Я прочел в последней газете, что он арестован по подозрению и заключен в Сент-Пелажьи. Если он изменил принципам, он заслуживает смерти, и если бы я был его судьей, я бы осудил его». Эти строки неоднократно цитировались и были опубликованы.

⁷⁴ «Publiciste», N 258, 20 août 1793.

Ссылки на материалы к теме

Я.Захер. Последние работы:

Общество революционных республиканок 1793 г.
и его борьба с якобинцами
Жак Ру в 1792 г.

О двух темных местах ранней биографии Жака Ру
http://enlightment2005.narod.ru/arc/zakher_3.pdf

Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру
http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux58.pdf

Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение
http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf

Я.Захер. Бабеф и «бешеные»
http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_zakher_fe-60.pdf

Я.Захер. К вопросу о значении взглядов «бешеных»
в предыстории социалистических идей
http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_62.pdf

Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf

В.Марков. Жак Ру и Карл Маркс
http://vive-liberta.narod.ru/journal/j-roux_k-marx_w-markow_fe-65.pdf

ВСЕ МАТЕРИАЛЫ о ЖАКЕ РУ
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>

Другие работы Вальтера Маркова
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#wmark>